

НАСЛЕДНИЦЫ

*Кахиры
О'Коннор*

◆ ЦИКЛ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ ◆

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЦ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2015

Книга третья

БАРХАТНАЯ СТЕНЬ

Сиджела
Смит

ББК 86.37
X19

Перевод с английского

Originally published in English under the title
THE VELVET SHADOW
by Angela Elwell Hunt.

Published by WaterBrook Press,
an imprint of the Crown Publishing Group,
a division by Random House LLC
12265 Oracle Boulevard, Suite 200
Colorado Springs, Colorado 80921, USA.

International rights contracted through:
Gospel Literature International,
P.O. Box 4060, Ontario, CA 91761-1003, USA.

This translation published by arrangement with WaterBrook Press,
an imprint of the Crown Publishing Group,
a division of Random House LLC.

Russian edition 2015 © Mission Visson.
All rights reserved.

Хант, Анджела

X19 Бархатная Тень / Пер. с англ. — СПб.: ЛКС, 2015. —
432 с. — (Наследницы Кахиры О'Коннор).

ISBN 978-5-94861-215-7 (ЛКС)

ISBN 978-5-905913-82-2 (Виссон)

Еще одна наследница Кахиры О'Коннор — Фланна — сумела отстоять свое право на выбор. Она стала врачом, несмотря на негативное отношение общества к женщинам-врачам. Героине пришлось принять участие в Гражданской войне, она переделась солдатом, воевала и использовала при этом свои медицинские знания. И, конечно, она, как и героини предыдущих двух книг этого цикла, находит свою любовь.

ББК 86.37

ISBN 978-1-578-56131-5 (WaterBrook Press)

ISBN 978-5-94861-215-7 (ЛКС)

ISBN 978-5-905913-82-2 (Виссон)

© Angela Elwell Hunt, 1999

© Издательство «Виссон», 2015

*С благодарностью
к Гейнел и Шэрон Уилт
(за подсказку «она строила ему глазки»)
и Рику и Фрэни Риверс, которые жертвовали
для меня своим временем, чтобы убедиться,
что я все правильно поняла.*

Я тут вспомнила кое-что новенькое и спешу сообщить тебе. Дело вот в чем.

В тюрьме округа Кэрролл сидят в одиночках три женщины. Одна — бывший майор армии Союза, она воевала вместе с мужчинами. Когда пули мятежников сыпались градом, она скакала на лошади и отдавала приказы солдатам. А теперь она в тюрьме, потому что нарушила военный устав.

А две другие — шпионки мятежников, их поймали и посадили в тюрьму. Изыщные женщины, явно образованные.

Больше писать нечего. Напиши мне, как получишь письмо, не тяни.

*Розетта Уэйкмен
для рядового Лайонса Уэйкмена,
153-й полк.
Волонтеры штата Нью-Йорк*

Пролог

Прошло целых три месяца с моей последней встречи с Тейлором Морганом. С началом нового семестра наши многообещающие, как казалось, отношения увяли, словно трава осенью. Листья дуба в Центральном парке обретали золотисто-коричневый цвет, а расписание Моргана все уплотнялось, да и мне скучать не приходилось: я училась и работала в книжном магазине.

Я не из тех, кто переживает о несостоявшихся отношениях. Когда в девятом классе Джефф Нейв разбил мне сердце, я тотчас приняла для себя решение: если парень не может увидеть, что я не такая, как все, я расстанусь с ним без сожалений. Только не подумайте, будто я считаю себя особенной. Просто я уверена, что если не сбылось, значит, Господь ждет от меня чего-то другого.

И я стала жить дальше, похоронила свое увлечение Кахирой О'Коннор и ее потомками с той же решительностью, с какой отказалась от Тейлора Моргана. Когда я занималась исследованием истории Аники из Праги, у меня голова шла кругом от энтузиазма, а работа над историей жизни Эйдан О'Коннор вдохновлялась общением с Тейлором. Но Тейлор ушел из моей жизни, а вместе с ним ушло и желание читать, исследовать и писать. Я даже не вспоминала Кахиру О'Коннор

несколько недель, потому что мысли о ней тотчас оживляли воспоминания о нем...

Однажды днем, накануне рождественских каникул, я с изумлением обнаружила Тейлора сидящим на ступеньках моего дома. На нем было теплое пальто с поднятым для защиты от ветра воротником. В первую секунду я испугалась, увидев на крыльце незнакомца. Но тут в мою сторону сверкнули его синие глаза, и у меня подогнулись колени.

— Привет, — сказал Тейлор чуть приглушенным воротником и шарфом голосом. — Рад видеть тебя, Кэтлин.

Я сжала губы и надеялась, что он не заметит, как вспыхнули мои щеки.

— Тейлор? Что привело тебя сюда?

Он чуть улыбнулся и стиснул руки в перчатках:

— Случайно проходил мимо.

Он сказал неправду, и мы оба это знали. Жизнь Тейлора была ограничена домом и колледжем, а и тот, и другой находились в Верхнем Вест-Сайде. Он бы не отправился сюда без особой нужды.

Я переложила пакет с продуктами из одной руки в другую, не зная, что еще сказать. Мы встречались с ним летом, но недолго, потом разошлись. Должна ли я проявить дружелюбие и пригласить его на чашечку чая или честно сообщить, что у меня занятие по Чосеру через полчаса?

Я отвернулась, чтобы не видеть его неотразимых синих глаз, и напредила себе о решении забыть его.

— Тейлор, приятно было увидеть тебя, но...

Он остановил меня, подняв руку.

— Кэтлин, я пришел не затем, чтобы надоедать тебе, — сказал он. — Я подумал, что ты должна знать о профессоре.

— О профессоре Говарде? — И я заулыбалась, вспомнив обходительного человечка, который впервые рассказал мне легенду о Кахире О'Коннор. Он отправил меня в самое удивительное приключение в моей жизни. — Чем сейчас занимается профессор? Защитил еще одну докторскую диссертацию? — Я посмотрела на него с притворным удивлением. — погоди, дай отгадаю — ему вручили Нобелевскую премию!

Мой голос сочился сарказмом, отчего мне стало неловко. Я вела себя как брошенная любовница, но ведь Тейлор Морган ничего мне не обещал, никогда не говорил, что мы больше чем друзья. Так почему мое сердце стучит, как барабан?

Тейлор поднялся со ступеньки и сунул руки в карманы, потом перевел взгляд на дорожку:

— Профессор Говард умер, Кэтлин.

Странное оглушающее ощущение пронзило мозг. Профессор не мог умереть! Я же ужинала с ним всего шесть месяцев тому назад, и он прекрасно выглядел. Он ведь вовсе не старый, всего пятьдесят пять или около того.

— Умер? — с трудом выдавила я.

— У него были проблемы с сердцем. — Лицо Тейлора напряглось. — Я нашел его в кабинете сегодня утром. Он сидел, опустив голову на стол, а рука его лежала вот на этом.

Тейлор достал коричневый конверт из кармана своего пальто и передал мне.

Я нахмурилась, прочитав на нем свое имя, написанное аккуратным почерком профессора. В центре конверта прямо под моим именем были еще слова: Фланна О'Коннор. Последняя из потомков Кахиры. Это имя я когда-то отправила в свой виртуальный уничтожитель бумаг и постаралась забыть.

Мир вокруг стал каким-то нереальным. Я посмотрела на Тейлора:

— И что это значит?

— Я хотел бы зайти и все рассказать. — Он снова посмотрел на свои ботинки. — Для профессора это было важно, поэтому я решил, что ты должна знать. Если, конечно, у тебя есть время.

Мое сердце сжалось от сострадания, когда я взглянула ему в лицо. Тейлор Морган всегда был таким уверенным и энергичным, но сегодня он был как потерянный, ведь он высоко ценил своего учителя. Несмотря на мое большое разочарование от того, что наши отношения так ни во что и не вылились, он по-прежнему оставался моим другом.

Я решила, что смогу взять конспект у своей однокурсницы. Остаться с Тейлором было гораздо важнее, нежели изучать «Кентерберийские рассказы».

— Проходи. — Я взяла конверт и начала подниматься. Открыв дверь, я провела его в квартиру и показала на диван в гостиной. — Подожди здесь, — сказала я, направляясь на кухню. — Сейчас приготовлю что-нибудь, и ты мне все расскажешь.

Тейлор молча направился к дивану. Когда он проходил мимо меня, мне показалось, что щеки его мокры от слез.

Через десять минут на столе уже стояли две чашки горячего чая, и я взяла в руки конверт профессора. Баркли, мой защитник-мастифф, небрежно обнюхал послание и растянулся возле окна, решив понаблюдать за происходящим с безопасного расстояния.

Тейлор сел и взял чашку со стола. Он держал ее обеими руками, все его притворное веселье испарилось. Теперь он выглядел как человек, потерявший лучшего друга, и я поняла, что недоценила отношения пожилого мужчины с его любимым учеником.

— Мне очень жаль профессора, — сказала я, опускаясь в кресло напротив. Я хотела погладить руку Тейлора, но постеснялась. — Я знаю, он многое значил в твоей жизни.

— Он был мне как отец. — Взгляд Тейлора соскользнул с моего лица на ковер. — Прости, я немного не в себе, все еще не отошел от шока. Сегодняшний день стал для меня кошмаром: все эти расспросы и хлопоты. — Лицо Тейлора стало напряженным. — Мне приходится все организовывать. У профессора Говарда не было семьи. Он не был женат, а его родители умерли.

— Как это ужасно! А откуда ты знаешь, что нужно делать?

— Я обнаружил конверт перед картотекой, а в нем нашел его последнюю волю. Его библиотека переходит колледжу, личные сбережения — благотворительной организации, и он хотел, чтобы его тело кремировали. Он не желал торжественной церемонии, никакой суеты.

Я непроизвольно нахмурилась:

— Совсем по-спартански.

— Именно этого он и хотел. — Взгляд Тейлора упал на конверт, лежавший у меня на коленях, и его синие глаза немного

потеплели. — Поскольку конверт лежал на рабочем столе, я подумал, что он хотел, чтобы ты как можно скорее его получила. У меня создалось впечатление, что он сжимал его в руках, умирая.

На меня обрушился целый поток мыслей и чувств, когда я посмотрела на конверт: он был совсем новым, но от него пахло плесенью, словно он долго лежал на чердаке. По бокам пакет раздулся, то, что положил в него профессор, едва умещалось в нем.

— Как думаешь, что это? — спросила я (мне было страшно-вато его открывать). — Он ведь не искал информацию о Кахи-ре О’Коннор для меня?

— Возможно, искал. — Тейлор вытянул руку на спинке дивана, поворачиваясь ко мне. — Знаешь, он очень огорчился, когда узнал от меня, что ты ничего не говорила о планах продолжить работу над историей Фланны О’Коннор. Не сомневаюсь, он хотел узнать как можно больше... и как можно быстрее.

Меня обдало жаром от чувства вины. Я даже не начинала работу, решив, что двух больших романов, посвященных потомкам О’Коннор, вполне достаточно. Ведь у меня работа, колледж, занятия и, наконец, — *жизнь*. Профессор был в восхищении от предсмертной молитвы Кахиры, но я все равно не верила, что являюсь ее родственницей, затерянной в веках. Когда я впервые встретила профессора, он поспешил сообщить мне, что все достойные внимания родственники Кахиры были рыжими с белой прядью волос, свидетельствующей о пиебалдизме, совсем как у меня. Но ведь это случайное совпадение, стечение вероятностей, каприз природы, происходящий раз в двести лет.

— Ты не собираешься его открыть? — Тейлор произнес свой вопрос тихим голосом, но таким странным, что у меня побежали мурашки по рукам.

— Я и так знаю, о чем письмо, — сказала я, помахивая конвертом. — Профессор считал, что я потомок Кахиры. И все это потому, что у меня рыжие волосы с белой прядкой. Он полностью уверен — *был* уверен, — что я совершу в своей жизни что-то невероятно важное. Но это не так. Если мне повезет,

я смогу получить работу в газете. Я не героиня, я обычный человек. Я много раз говорила профессору, что я только писательница, мне удалось написать истории Аники и Эйдан и...

— Но ты остановилась, не завершив труд. — В его тоне угадывался упрек.

Я открыла было рот, собираясь резко остановить его, но передумала. Бессмысленно говорить, что я страшно устала читать, писать, проводить исследования. Сам Тейлор с большей радостью проводит время в библиотеке, нежели в кино; возможно, это и была причина, не позволившая нашим отношениям развиваться.

— Мне очень жаль. — Я произнесла эти слова как искреннее и запоздалое извинение перед профессором Говардом. — Если бы я знала, что он хочет знать... что ему оставалось только несколько месяцев...

— Открой, — бесцветным голосом велел мне Тейлор.

У меня дрожали пальцы, когда я вскрывала конверт и вытряхивала содержимое себе на колени. В нем оказалась книга в кожаной обложке, высохшей и поблекшей от времени, и письмо на фирменном бланке Городского колледжа Нью-Йорка. Я тотчас узнала аккуратный почерк профессора Говарда.

Моя любезнейшая мисс О'Коннор,

не могу передать, насколько я Вам благодарен за Вашу работу над биографиями Аники из Праги и Эйдан О'Коннор! Тейлор прочитал Ваши первые рукописи, где, как я понимаю, Вы очень живо, буквально на одном дыхании, описываете женщин, весьма похожих на Вас. Он очень высокого мнения о Вашей работе. Bravo, моя дорогая! Вы отлично справились.

И я догадываюсь, что Вы взяли творческий отпуск в исследованиях потомков О'Коннор. Хотя я могу понять, что Вам необходимо сбавить темп, я все-таки начинаю за Вас бояться, Кэтлин. С каждым закатом солнца мы все ближе подбираемся к миллениуму, и Вы войдете в новое тысячелетие в качестве наследницы Кахиры О'Коннор. Я даже не пытаюсь представить те чудеса и ужасы, которые принесет

с собой новый век, зато я знаю, что Вы встретите его подготовленной. Я уверен, что благодаря своим работам Вы обрели духовную стойкость Аники из Праги и радость творчества Эйдан. Я очень надеюсь, что Вы проявите эти качества, когда столкнетесь с будущим.

Остается только Фланна из девятнадцатого века. Признаюсь честно, я боялся, что Вы можете начать свои исследования, когда я уже не смогу помогать Вам, поэтому сам провел небольшую работу. Нам очень повезло, знаете ли, потому что у женщин Викторианской эпохи ведение дневников было обычным делом, и наша Фланна не стала исключением. Сам Господь нам помогает. Прилагаю дневник Фланны, который я обнаружил в Бостонском музее и купил для Вас.

Я не могу допустить, чтобы Вы вступили в следующий век неподготовленной, мисс О'Коннор. Вы уже на две трети прошли тот путь, который поможет Вам в будущем справиться со своей миссией. А посему открывайте дневник Фланны и черпайте из него все, что сумеете. И знайте, я желаю Вам всего наилучшего, счастья и успехов в трудах.

*С любовью и надеждой на благословение
Господа для Вас,
Генри Говард*

— Он купил его... для меня? — Я уронила письмо на стол и погладила шершавый переплет рукой, вдыхая аромат веков и пыли. Если эта книга попала ко мне из музея, значит, профессор заплатил за нее немало. Подумать только, он сделал это для меня!

— Мне кажется, — Тейлор грустно улыбнулся, — он начал считать тебя своей дочерью. Он часто говорил о тебе и дорожил теми немногочисленными записками о ходе исследования, которые ты ему присылала.

Немногочисленные записки. Я поежилась; как жаль, что я не постаралась ближе узнать профессора. Несколько месяцев тому назад, когда мы только познакомились, я посчитала его эксцентричным пожилым мужчиной, питающим слабость к рыжеволосым девушкам. Но позднее я узнала, что он

блестящий ученый, профессор истории, способный сочувствовать куда больше, чем все мои преподаватели вместе взятые.

Однажды он понял, что потомки ирландской принцессы Кахиры О'Коннор были связаны между собой, и забеспокоился обо мне. На смертном одре Кахира О'Коннор молила небеса позволить ее потомкам сражаться за правду в этом мире, и каждой женщине, унаследовавшей ее рыжие волосы и белую прядь, передавалась по наследству необычная судьба. Аника из Праги, жившая в пятнадцатом веке, стала рыцарем и сражалась в Гуситских войнах в Богемии против духовной коррупции. Эйдан О'Коннор переделалась простым моряком, чтобы сбежать из мерзкого общества в портовом квартале голландской Батавии, а позднее стала всемирно известной художницей и филантропом. А Фланна О'Коннор...

В памяти тотчас возникла единственная запись, которую мне удалось разыскать в Интернете: *Фланна О'Коннор, уроженка Чарлстона, которая переделалась солдатом и участвовала в Гражданской войне, сражаясь рядом с братом. Ее прозвали Бархатная Тень, она прославилась удивительной способностью вытаскивать раненых товарищей из-за линии фронта, ее рыжие волосы пересекала необычная белая прядь.*

А теперь у меня есть дневник Бархатной Тени. Я вздрогнула от этой мысли, открыла книгу и пролистала ее. Строчка за строчкой, написанные аккуратным почерком, заполняли пожелтевшие страницы, чернила выцвели, но пока читались.

— Я не знаю, насколько хорошо сохранился этот дневник. — Тейлор задумчиво постукивал кончиками пальцев по колену. — Но для начала тебе хватит материала. И должен добавить, что полностью согласен с профессором Говардом — тебе нужно поспешить. Уже приближается Рождество, а там и Новый год. — Он наклонился ко мне и посмотрел с состраданием и нежностью: — Что ты станешь делать, Кэтлин, если в ближайшем будущем столкнешься с большой бедой?

— Ты действительно думаешь, что это может случиться? — Я неуверенно улыбнулась. Сердце грела мысль, что Тейлор беспокоится обо мне, но все-таки меня немного смущала его тревога за мое будущее.

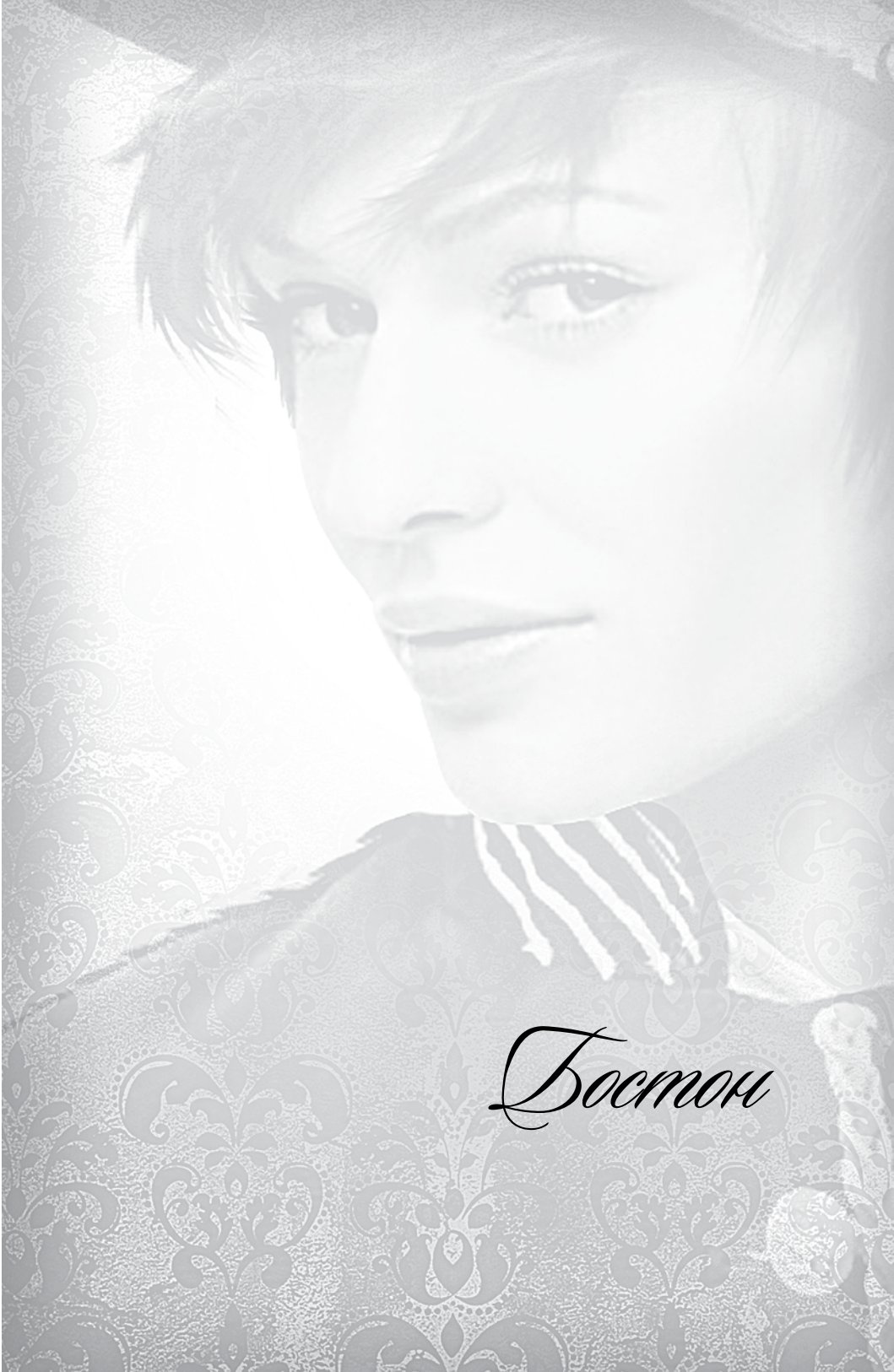
— Не знаю, что будет завтра, — сказал Тейлор и провел рукой по лицу, — как не знал и профессор. Зато у него была отлично развита интуиция, он мог предсказать, как люди поведут себя в тяжелые времена, а ты и сама знаешь, что потомки Кахиры всегда блестяще справлялись с трудными испытаниями, выпадавшими на их долю. — Морщинка у него между бровей становилась все заметнее, по мере того как он углублялся в свои мысли. — Профессор никогда не выдавал себя за предсказателя судеб, но всегда повторял, что каждое время таит свои испытания, — а каждое десятилетие, по той же причине, несет свои беды. В семидесятые годы умы людей занимала война во Вьетнаме; в восьмидесятые — терроризм; девяностые отличались большим количеством стихийных бедствий. Грядущее десятилетие таит в себе свои трагедии, и кто знает, не будешь ли ты вовлечена в какие-то жизненно важные события? Профессор Говард желал убедиться, что ты хорошо подготовлена к тому, что тебя ожидает, — как наследницу Кахиры О'Коннор.

Я опустила глаза и удобнее уселась в кресле, подобрав ноги. Пока Тейлор потягивал свой чай, я открыла дневник и перевернула несколько страниц.

Первая запись была датирована 24 декабря 1860 года. Женским почерком с наклоном там было написано:

Эта книга — прекрасный подарок! Роджер Хейнз продолжает удивлять меня! Сегодня я обедала у мистера Хейнза и его матери в их замечательном доме в Бикон-Хилле, и мое сердце, раненное тоской по дому, отозвалось на их веселье и доброту ко мне. Я даже почти не скучала по папе, Уэсли и Чарлстону, но при каждом порыве ветра я непроизвольно напрягалась, ожидая услышать шум волн с дамбы, шуршание листьев веерной пальмы и зычный смех Уэсли. Как странно праздновать Рождество вдали от дома!

Неожиданно книга захватила меня, и я продолжила читать.

Бостон

*Все говорят о женской сфере,
Как будто есть ее предел.
Но не найдете места на земле и небе,
Как не найдете данных свыше дел...
Где обошлось без женщин.*

Кейт Филд, 1838–1896,
американская писательница

Глава 1

— **М**ы очень рады, мисс О'Коннор, что вы смогли отвлечься от своих занятий и присоединиться к нам. Фланна оторвала взгляд от сверкающего хрусталя и поблескивающего серебра на столе красного дерева, встретила взглядом с хозяйкой.

— Вы оказали мне большую честь приглашением. — Девушка склонила голову перед женщиной почтенного возраста, которая стояла во главе стола. — Я опасалась, что буду встречать Рождество в пансионе одна со служанкой.

— У вас есть служанка? — Тонкие губы миссис Хейнз на миг плотно сжались, она напряженно сглотнула. — Вы говорите о той темнокожей девушке, с которой вы сюда пришли сегодня?

— Успокойтесь, мама. Чарити — свободная негритянка, — откликнулся Роджер, выдвигая стул для Фланны. — У Фланны нет рабов. — Он эффектно взмахнул рукой: — Миледи, присаживайтесь.

Фланна вымученно улыбнулась и ловко протиснула свои пышные юбки в узкое пространство между стулом и столом, затем села. Миссис Хейнз помогала устроиться дворецкий, пожилая женщина чуть прищурила голубые глаза, наблюдая, как Роджер усаживается на свободный стул между ней и Фланной.

— Я всегда считала, — заявила миссис Хейнз, рассеянно теребя рукой сверкающие драгоценности на шее, — что в Южной Каролине рабы есть у всех. Во всяком случае, джентльмены из Южной Каролины в Конгрессе яростно поддерживают рабовладение.

— Мама, уверяю вас, нет никаких причин беспокоиться по этому поводу. — Роджер нахмурился. — Фланна из Чарлстона, а ее отец врач. Чарлстон — крупный порт; там нет плантаций, таких, как те, где жили твои любимые персонажи из романа Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома».

Тонкие губы женщины слегка расслабились.

— Наверное, не следует с предубеждением относиться к человеку из-за места его рождения. Мисс О'Коннор, я очень рада, что ваша семья не рабовладельцы. Я считаю своим долгом защищать всех угнетаемых и отстаивать права и женщин, и темнокожих.

— Очень благородно с вашей стороны, мэм. — Фланна улыбнулась и сложила руки на коленях. Роджер предупредил ее, что его мать стала ярой аболиционисткой*, после того как прочитала «Хижину дяди Тома».

— А вы много читаете? — Миссис Хейнз элегантно приподняла бровь.

— Довольно много, — ответила Фланна. — В основном книги по медицине. Я оканчиваю медицинский колледж.

— Вы обязательно должны прочитать «Равенство полов и положение женщин» Сары Гримке. — Миссис Хейнз развернула салфетку с громким хлопком. — Полагаю, вы слышали о ее сестре, Ангелине? Она тоже родилась в Чарлстоне, но сейчас считается там персоной нон грата, по всем сведениям. Не удивительно, что ее больше не желают принимать на Юге. Книги ее и сестры побудили женщин южных штатов выступить против рабовладения. Удивительно отважные сестры Сара и Ангелина Гримке.

Фланна сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Она, конечно, слышала о сестрах Гримке — весь Чарлстон считал

* Аболиционисты — сторонники общественного движения за отмену закона о рабовладении в США. — *Примеч. пер.*

их чрезвычайно грубыми женщинами. Они переехали на Север и начали издавать книги, где сетовали на положение женщин в целом и рабынь в частности. Знать Чарлстона не обращала на сестер никакого внимания, зато северяне возводили их чуть ли не в ранг святых.

За два года жизни в Бостоне Фланна устала от ядовитых высказываний в отношении рабовладения. Здравый смысл и хорошие манеры подсказывали, что ей не следует обращать на это внимание, но она не смогла сдержать себя и решила объяснить истинное положение дел этой жительнице Бостона. Ведь Роджер заверял ее, что его мать — человек широких взглядов.

— Дело в том, миссис Хейнз, — начала Фланна со спокойной улыбкой, — что менее одной четверти жителей Юга имеют рабов. Мой отец врач, и ему не нужны работники на полях. Чарити — моя служанка, естественно, а у папы есть камердинер, но все наши слуги из свободного темнокожего населения Чарлстона.

— Вот видите! — Роджер скрестил руки на груди и победоносно посмотрел на мать. — Так что ваши чувства в безопасности. А теперь позовите Говарда, пусть подает суп. Я умираю от голода.

— Минуточку, Роджер, прошу вас. — Фланна чуть коснулась рукой рукава Роджера (максимум допустимого в отношении мужчины, который еще не перешел из разряда ухажеров в разряд женихов). — Ваша мать умная женщина; и я не сомневаюсь, что она хочет услышать правду, всю и без утайки.

Роджер бросил на нее предупреждающий взгляд, но Фланна решила проигнорировать его.

— У моего старшего брата, — начала она, снова улыбаясь хозяйке, — рисовые плантации под Чарлстоном. У Уэсли, как мне кажется, больше сотни рабов, в мой последний визит к брату я убедилась, что они вполне счастливы под его защитой. Несмотря на все, что вы могли слышать о жизни на плантациях, могу вас заверить, мой брат не бьет своих рабов и не позволяет разлучать семейные пары.

Лицо миссис Хейнз тотчас приняло выражение ужаса и неодобрения.

— Так значит, в вашей семье *держат* рабов!

— Мама, вспомните о своем хрупком здоровье, — предупредил Роджер. — Ваши нюхательные соли при вас?

— Да. У моего брата есть рабы, как и у большинства джентльменов в сельской местности, — продолжила Фланна, постукивая кончиками пальцев. — По мнению брата, рабовладение совершенно незаконно и неоправданно. Он соглашается, что это зло с теоретической и моральной точек зрения. Но не мой брат и не политики моего штата выбрали рабовладение. Его предписали им после тщательного рассмотрения их предки.

Распахнулась дверь. Фланна подняла глаза, она уже проголодалась и была готова начать обед, но Говард, дворецкий-ирландец, взглянул на хозяйку и застыл с дымящейся супницей в руках.

Миссис Хейнз сделала вид, что не заметила его появления.

— Ваш брат, — она наклонилась вперед и помолчала для пушщего эффекта, — явно *купил* своих рабов по случаю.

— Да, действительно.

— Тогда как вы можете говорить, что он не поддерживает работорговлю?

Фланна вскинула подбородок, ее убранные под сеточку волосы легли ей на шею сзади. Продолжая спокойно смотреть на хозяйку дома, она ответила:

— Если бы Уэсли их не купил, что бы с ними случилось? Вы же не думаете, что им было бы лучше у работорговца в менее цивилизованной части страны! Мы не пребываем в неведении относительно жестоких варваров, применяющих насилие к темнокожим, но, с другой стороны, мне известны случаи, когда люди вершат насилие и над своими собственными детьми. Следует ли нам запретить семьям иметь детей на том основании, что некоторые родители бьют их или не любят? Как же можете вы запрещать рабовладение там, где лишь немногие проявляют жестокость?

— Потому что рабовладение само по себе жестоко! Потому что черный человек тоже хочет быть свободным!

Фланна встретила взглядом с миссис Хейнз и не отводила его:

— При всем моем уважении к вам, мэм, я не думаю, что вы можете знать, чего хотят темнокожие. Нельзя понять эту расу, не пожив с ними рядом.

Миссис Хейнз насупила тонкие седые брови и даже привстала от возмущения:

— Я прекрасно их понимаю! Я читала книги миссис Стоу и регулярно переписываюсь с квакерами, которые с риском для жизни помогают переправлять беглых рабов через границу к свободе.

Фланна слегка кивнула и улыбнулась своей пустой тарелке. Ей так хотелось вскочить и накричать на этих северян с их предрассудками, но она была леди и гостья в этом доме. Годы оттачивания хороших манер, принятых в приличном обществе, невозможно перечеркнуть за один вечер. Пусть эти янки, аболиционисты и суфражистки*, развлекаются нападками на то, чего не понимают, Фланна станет держать язык за зубами, все равно она скоро уедет из этого города.

Но все-таки она не сдержалась и подняла последний вопрос.

— Миссис Хейнз, — она сделала паузу, чтобы успокоиться и умерить растущее раздражение, — вы когда-нибудь думали о последствиях, когда три миллиона человек, рожденных и выросших в неволе, вдруг должны будут взять на себя обязательства, заботы и труды, которые предоставит им свобода? Рабы моего брата не умеют читать и писать, они привыкли жить на полном обеспечении. Для многих из них, как я опасаюсь, свободная жизнь окажется ужаснее и тяжелее, чем та, что была у них на плантации.

— Избалованный камердинер — такой же невольник, как и изнуренный работой раб на плантации. — В глазах леди блеснула насмешливая искорка. — *Вы* бы хотели для себя такой жизни, вместо той, которую вы ведете сейчас, мисс О'Коннор?

Губы Фланны изогнулись в улыбку. Еще в детстве она несколько раз ощущала себя в какой-то степени рабыней. Тетушка Марсали, которая занималась превращением Фланны

* Суфражистки — участницы движения за предоставление женщинам избирательных прав. — *Примеч. пер.*

из длинноногого сорванца в девушку, постоянно донимала ее замечаниями о том, чего молодая леди не должна делать.

Она склонила голову в знак признания, что задан удачный вопрос.

— Кажется, это Томас Джефферсон писал, что рабовладение — волк, которого держат за уши. — Она улыбнулась и сложила руки на коленях, принимая спокойную позу. — Мы не можем долго удерживать его, но и не решаемся отпустить.

— Что ж, давайте надеяться, что волк не расвирепееет и не разнесет наш дом на куски.

Роджер воспользовался временным затишьем и дал знак дворецкому подавать суп.

— Смотрите, леди, суп готов! Заходите, Говард, пока он не остыл. Сначала обслужите маму. Она любит суп из морепродуктов горячим.

Фланна заметила упрек во взгляде миссис Хейнз, брошенном на сына, и подавила улыбку, делая вид, что оглядывает праздничный стол. Богатая, обладающая чувством гражданского долга, миссис Хейнз, видимо, удивлялась, что ее сын привел в дом дикарку с Юга. На миг девушке захотелось оказаться на кухне вместе с Чарити и другими слугами. Первые залпы в этой битве уже прозвучали, правда, пока довольно тихо, и одному лишь Господу известно, куда миссис Хейнз может завести разговор.

Фланна взяла салфетку и расстелила на коленях, в душе она опасалась, что их застольная беседа может перерасти в жаркий спор. Ей очень нравились такие дебаты с братом и отцом, иногда она сознательно занимала в них не ту позицию, которую поддерживала, чтобы посмотреть, как она сможет противостоять их мужскому складу ума. Одно дело стычки в семье, но застольная беседа в доме женщины, глубокоуважаемой в бостонском обществе, — совершенно другое. Она не допустит, чтобы ее втянули в спор о рабовладении. Ведь этот вопрос совсем не касается ее лично, но все, начиная с хозяйки пансиона и кончая сокурницами, считали своим долгом обвинять Фланну во всех грехах и несправедливостях Юга.

— Мама, я говорил, что Фланна лучшая на своем курсе? — Роджер пожал руку матери, при этом чуть не выбил поварешку из рук дворецкого, который наливал суп в его тарелку. — Она очень умная молодая женщина.

— Во всяком случае, весьма решительная. — Миссис Хейнз поджала губы, глядя, как дворецкий наливает суп Фланне. — Судя по всему, у вас есть свое мнение по многим вопросам. Я восхищаюсь тем, что вы взялись изучать медицину.

Фланна улыбнулась, скрывая свое раздражение от слова «взялись».

— Да, мэм. Я всегда хотела пойти по стопам отца, а некоторое время тому назад я обнаружила, что ему будет очень кстати иметь партнером женщину. Многие женщины слишком скромны, чтобы вызывать врача-мужчину, а повитухи не могут справиться со всеми медицинскими случаями.

Живые голубые глаза миссис Хейнз снова загорелись.

— Должна заметить, я всегда считала, что женщины-врачи крайне необходимы. Я сама вздрагиваю каждый раз, когда нужно идти к врачу-мужчине, а мой муж, генерал, — да упокоит Господь его душу — всегда настаивал на своем присутствии при осмотре. Мужчина-врач — это испытание для женской чувствительности. — Она улыбнулась Фланне даже с некоторым одобрением. — Поздравляю вас, дорогая, с тем, что выбрали эту профессию. И надеюсь, вы сумеете найти хорошего врача, который поможет вам в трудных случаях.

Фланна стиснула пальцы под столом, пока не прошло желание придушить эту женщину.

— Спасибо за поддержку, — сказала она, заметив краешком глаза раздраженное выражение лица Роджера, — но даже если я буду работать с отцом, не думаю, что мне понадобится помощь в сложных случаях. Мое образование в колледже достаточно полное. Когда я закончу, думаю, что смогу лечить и вас, не обращаясь к другому врачу. В принципе я даже смогу лечить... — она подняла глаза и поймала полный изумления взгляд дворецкого, — Говарда.

— Что вы такое говорите! — Вдова принялась тереть украшение на шее, потом сдавленно рассмеялась. — Разве

я могу позволить рабовладельцу приблизиться к моим верным ирландским слугам!

— Мадам, мое присутствие здесь едва ли требуется, — запинаясь, сказал дворецкий и густо покраснел.

— Она просто привела пример, Говард, — сказал Роджер, знаком отпуская слугу. Затем внимательно посмотрел на мать: — Послушайте, Фланна ведь уже говорила, что у нее нет рабов и что она считает рабовладение отвратительным. И вы должны признать, что она готова пополнить ваши ряды суфражисток.

Проницательный взгляд миссис Хейнз переместился на Фланну.

— А что вы думаете, моя дорогая, в отношении женщин и избирательных прав?

Фланна хотела бы сказать все, что думает по этому поводу, но она уже и так наговорила слишком много.

— Я считаю, — сказала она, чувствуя на себе пристальный взгляд, — что женщины разбираются в политике гораздо лучше, чем думают мужчины.

Она улыбнулась, поздравляя себя с тем, что проявила такт, но миссис Хейнз не успокоилась:

— Так что вы думаете по поводу женщин и голосования? Мы — граждане этой страны, так разве мы не должны голосовать так же, как свободные американские мужчины?

Фланна бросила взгляд на Роджера, надеясь на поддержку, но он упорно смотрел на скатерть, на его щеках разлился румянец. Трус.

— Миссис Хейнз, — Фланна изобразила застенчивую улыбку, — большинство женщин, которых я знаю, вполне счастливы, что находятся под покровительством мужей и отцов. Они и так влияют на выборы и тоже играют свою роль в политике, но делают это через сердца своих мужчин.

Миссис Хейнз выпрямилась на стуле, на ее лице застыло выражение недоверия.

— Леди, — красивое лицо Роджера расплылось в улыбке, он посмотрел на мать и Фланну, — две мои самые любимые женщины на свете, вы обе сильны в своих суждениях и мне-

ниях. Но ради духа Рождества разве мы не можем отринуть разногласия и обратить наши мысли к миру на земле?

Миссис Хейнз потянулась к бокалу вина:

— Мы уже обратили, сын. Только этот дух мог заставить меня сидеть за одним столом с человеком, в чьей семье держат рабов.

— Да благословит вас Господь, мама, за вашу терпимость, — ответил Роджер сухим тоном. Он тепло улыбнулся Фланне и протянул руки, одну — ей, а вторую — матери: — Дайте мне ваши руки, леди, и позвольте попросить у Господа благословить нашу трапезу. Очень хочу надеяться, что наша беседа далее будет более приятной.

* * *

— Боюсь, мы испортили матери праздник, Роджер, — сказала Фланна, когда они неспешно шагали по заснеженной дорожке возле дома. — Ваша мать очень меня не любит.

— Вовсе нет! — возразил Роджер, смеясь. Его смех разнесся по тихой улице. У него за спиной высился четырехэтажный кирпичный дом, старинный и неприветливый, освещенные окна походили на неодобрительные глаза миссис Хейнз. — Она считает вас весьма... оригинальной.

Фланна убедилась, что Чарити удобно устроилась на сиденье, потом с помощью Роджера шагнула в заскрипевший фаэтон. Четырехколесный экипаж с поднятым верхом защищал их от зимнего ветра, он напомнил ей кабриолет отца, на миг тоска по дому охватила ее. Девушка взяла себя в руки, напомнив, что следующее Рождество она, вне всякого сомнения, проведет дома, и скользнула на дальний конец сиденья. Роджер сел рядом с ней.

— Простите меня, дорогой.

Фланна подняла руки, чтобы Роджер закрыл ей ноги пледом, и вздохнула с облегчением, когда он взял в руки поводья и причмокнул, трогая лошадь с места. Она была рада тому, что вечер наконец-то закончился.

— Простите меня, Роджер, что испортила вам Рождество. — Она потерла кончик носа, который наверняка покраснел

от холода. — Мне не следовало так откровенно высказываться. Ваша мать, возможно, подумала, что я оказываю на вас плохое влияние.

— Моя мать питает отвращение к рабовладению, но вас она обожает. — Роджер направил лошадь в узкую улочку, которая отделяла роскошные особняки от площади Луисбург. — Ей нравятся решительные женщины. Вы должны услышать, как она защищает право женщин на равную с мужчинами оплату труда.

— Я мало что понимаю в этом вопросе, — призналась Фланна, ее взгляд скользил по обнаженным ветвям деревьев, которые простирались у них над головами, словно навес. — Мне все равно, сколько мне заплатят; отец полностью обеспечивает меня. Я хочу одного — чтобы женщины получали необходимую им медицинскую помощь.

Роджер посмотрел на нее, его темные брови озорно приподнялись:

— Мама, возможно, никогда в этом не признается, но она восхищается доктором Элизабет Блэкуэлл. Она следила за карьерой этой женщины несколько лет и очень радовалась, когда доктор Блэкуэлл открыла в Нью-Йорке клинику для женщин.

— Доктор Блэкуэлл тоже из Чарлстона. — Ее мысли тотчас с тоской обратились к дому. — Интересно, она так же скучает по дому, как я?

— Фланна, дорогая, не нужно так терзать себя. — Роджер взял поводья в правую руку и обнял девушку за плечи левой рукой. — Только дайте мне знак, и я соглашусь заботиться о вас до конца моих дней. Вы могли бы замечательно жить здесь, в Бостоне. Я бы рекомендовал вас всем светским дамам города, и вы лечили бы женские болезни в свое удовольствие. А когда вам надоест медицина, я мечтаю завести детей, столько, сколько вы захотите.

Мужчины всегда проявляли к ней интерес, и девушка давно научилась ловко уводить разговор от темы замужества.

— Вы так уверены в своем влиянии, мистер Хейнз? — Она изобразила улыбку. — Не думаю, что ваша мать стала бы обращаться ко мне как к врачу.

— Дайте время, дорогая. — Его рука соскользнула с ее плеча — впереди был довольно сложный поворот. — Мое влияние только возрастет, когда я займусь политикой. Мать говорит, что судья Уиттиер уже готов внести мое имя в списки на следующих выборах, и есть основания полагать, что в этом округе я могу победить. Смотрите, только жители Бикон-Хилла дадут значительный перевес голосов, ведь влиятельнее них никого нет.

— Тогда, возможно, вам следует пересмотреть нашу дружбу в свете ваших политических устремлений. — Взгляд Фланна скользил по фасадам величественных каменных особняков, выстроившихся вдоль дороги. Они проезжали площадь Пембертон, которая образовывала пару с площадью Луисбург в западной части Бикон-Хилла. Газовые фонари отбрасывали золотистые пятна света на заснеженные тротуары и привносили теплые нотки в пейзаж, который иначе был бы холодным и неприветливым. В Чарлстоне снег был редкостью, а в Бостоне он выпадал уже дважды за последний месяц. Фланна ожидала, что город завалит сугробами до крыш.

— Фланна, почему я должен пересматривать наши отношения? — Роджер повернулся к ней с откровенным непониманием. — С чего? Мы же прекрасная пара. Вы — образец современной женщины, не только успешной, но и красивой, а я — лидер нового политического движения, которое должно объединить наш великий и славный Союз. — Он щелкнул поводьями. — Нет, моя дорогая, вместе мы непобедимая команда. Вы леди с Юга, а я джентльмен с Севера. Вы, несомненно, ощущаете привязанность к Чарлстону и Южной Каролине, а я хочу посвятить свою жизнь служению народу Бостона и Массачусетса. Окружающие увидят в нас друзей и партнеров и поймут, что два человека могут отбросить региональные и философские разногласия, чтобы трудиться вместе.

— Философские разногласия? — Фланна склонила голову, чтобы посмотреть на него. — Какие философские разногласия? Все время, что я вас знаю, Роджер, вы ни разу не противоречили мне. Я всегда считала, что вы придерживаетесь тех же взглядов.

Его губы насмешливо изогнулись.

— Нет ни одной пары, где бы люди полностью разделяли взгляды друг друга. Как вам с матерью удалось мирно пообедать вместе, не переходя на оскорбления, так и мы с вами можем не соглашаться друг с другом, но делать это миролюбиво. На самом деле, у вас будет своя работа, а у меня — своя. И не думаю, что расхождения во мнениях могут серьезно повлиять на наш союз.

Фланна ничего не ответила и стала смотреть на улицу, ей не понравилось, что Роджер считает, будто между ними уже все решено. Она вернется в Чарлстон после окончания медицинского колледжа, о чем неустанно твердила ему. И хотя она считала его прекрасным другом и замечательным человеком с множеством достоинств, ей вовсе не хотелось бежать с ним к алтарю. Она рассчитывала стать врачом, а Роджер думал, что все ее устремления такие же, как у глупой романтической девочки.

— Моя мать, естественно, хочет, чтобы вы пришли к нам завтра, — сказал Роджер, пристально глядя на дорогу. — У нас большой рождественский обед в час дня. — Он улыбнулся ей. — И у нас для вас сюрприз — приезжает мой брат из Вест-Пойнта. — Он натянул поводья и бросил на нее странно пронизывающий взгляд. — Что скажете, Фланна? Могу я объявить брату, что знакомлю его с будущей миссис Роджер Хейнз?

Фланна смущенно опустила глаза и отвернулась, тотчас решив, что он вдруг лишился способности здраво мыслить. Хотя это неожиданное предложение застало ее врасплох, она все-таки не стала спешить с ответом, чтобы не обижать его.

— Спасибо, Роджер, — ответила она, стараясь скрыть свое раздражение и потрясение. Она повернулась к нему и встретила его ясный взгляд. — Я понимаю, что вы оказываете мне честь, но ведь я вам уже говорила, что в настоящее время не думаю о замужестве. Мне нужно закончить обучение, сдать выпускной экзамен, и я обещала отцу вернуться в Чарлстон и помогать ему в работе. Поскольку вы твердо уверены, что должны остаться в Массачусетсе...

— Мы живем в одной стране, Фланна, в одном священном Союзе. — Он бросил поводья и взял ее руку в перчатке. — Вы

и я должны стать одной плотью. Я понимаю вашу преданность отцу и восхищаюсь верностью вашего сердца и силой воли, которые побуждают вас так поступать. Хорошо, оканчивайте колледж. Возвращайтесь в Чарлстон и отдайте отцу один год ваших трудов. Но не забывайте, что я готов вас ждать. Пока вы работаете, я создам себе электорат, который обеспечит мне должность в канцелярии губернатора еще до вашего возвращения из Каролины! Тогда мы сможем обвенчаться в особняке губернатора или еще где-то на ваш выбор, только скажите, что станете моей женой, Фланна О'Коннор!

Он пристально смотрел на нее, молча ожидая ответа, от его настойчивого взгляда у нее в висках застучала кровь. Это было не первое предложение руки и сердца в ее жизни, но Роджер значительно превосходил других ухажеров своей настойчивостью. В течение двух лет он сопровождал ее на различные мероприятия в Бостоне, обеспечивая тем самым ей вход в лучшие дома, куда ее никогда бы не пригласили без него. Фланна не могла не признать, что испытывала удовольствие, заходя в роскошную гостиную под руку с красивым адвокатом.

Но жить в Бостоне? Люди здесь были такими чужими ей, холодными и чванливыми по сравнению с благородными жителями Чарлстона. Как бы ей ни нравилось общество Роджера, она не верила, что общение с ним и его острый ум компенсируют ей одиночество, которое она будет испытывать, не имея возможности общаться с братом, отцом, тетужкой Марсали и взрослыми кузенами. Она бы не выдержала долгие семестры в колледже, если бы не компания Чарити и возможность уезжать домой на летние месяцы.

— Такие вещи, — начала она, медленно подбирая слова, которые бы сохранили их дружбу, но остудили пыл Роджера, — не объявляются между делом на семейном ужине. И вы забыли об одном важном шаге, который следует сделать: вы должны написать моему отцу и попросить его согласия и благословения до того, как я соглашусь. Я послушная дочь, и если бы я приняла ваш план, ничего не сообщив отцу, такой поступок разбил бы ему сердце.

— Я вам не нравлюсь, Фланна? — Роджер смотрел вниз, его длинные ресницы отбрасывали тень на щеки. — Неужели брак с адвокатом для вас настолько ужасен, что вы даже думать о нем не желаете? Или я вам неприятен?

— Вы говорите глупости. — Ее голос стал мягче, она пыталась выразить словами то, чего он никогда, как она считала, не поймет. — Вы очень мне нравитесь. Дело в том, Роджер... Могу ли я быть с вами откровенной?

— Ничего другого я от вас не жду.

— Хорошо. — Она помолчала, разглядывая проезжающий мимо фаэтон. — А не следует ли нам сейчас находиться на людях?

— С нами ваша дуэнья. — Не отрывая взгляда от ее лица, он позвал: — Чарити?

— Да, мистер Хейнз? — Голос девушки разнесся по улице.

— Вот видите. — Роджер крепче сжал руку Фланны. — Ваша служанка на месте, за нами должным образом наблюдают. Можете смело говорить, что у вас на сердце.

Фланна высвободила свою руку:

— Вы очень мне нравитесь. — Это, во всяком случае, была правда. Проведя несколько тоскливых недель в Бостоне, Фланна познакомилась с Роджером на одном приеме, организованном спонсорами колледжа. Он сразу стал ее кавалером и другом, и она отдавала ему каждую свободную минутку, не желая задумываться о последствиях. А сейчас ей придется его огорчить, возможно, в последний раз. Но она никогда не собиралась отдавать ему свое сердце, только дружбу.

Она посмотрела ему прямо в глаза:

— Я должна уехать домой в Чарлстон. Я обещала отцу помогать ему, когда стану врачом. И я скучаю по Чарлстону. Там моя семья.

— Если мы поженимся, я стану вашей семьей. — Он произнес эти слова немного странным, но ласковым тоном. — И еще, Фланна, однажды я могу стать президентом Соединенных Штатов, подумайте об этом! Разве это не предел мечтаний женщины — выйти замуж за мужчину, который посвятил себя служению обществу?

— Но она может мечтать посвятить *свою* жизнь тем, кому повезло меньше. — Девушка пожала его руку, надеясь на понимание. — Роджер, я никогда вам не говорила этого, — полагаю, немного стеснялась, — но у моего деда было больше сотни рабов. Одной из рабынь была и моя няня, и я не встречала более скромной женщины ни среди черных, ни среди белых. Моя мать умерла, когда я была еще совсем маленькой, поэтому няня стала для меня всем, единственной матерью, которую я знала.

— Меня не волнует, что у вашего деда были рабы.

— Речь не об этом, Роджер. — Фланна смотрела на свои руки, крепко сцепленные на коленях. — Видите ли, няня заболела, но она была слишком целомудренной, слишком застенчивой и не согласилась, чтобы мужчина-врач ее осмотрел.

Девушка глубоко вздохнула, та боль из прошлого вдруг вернулась.

— Однажды ночью она умерла, а я сидела возле ее кровати. Когда я подняла простыню, то обнаружила, что у нее было маточное кровотечение. Врач мог бы его остановить и спасти ей жизнь, но она никогда бы не подпустила к себе незнакомого мужчину.

Роджер сочувственно вздохнул:

— А почему ваш отец ее не вылечил?

Фланна покачала головой:

— Она бы умерла от стыда еще до осмотра. Речь ее была проста, и положение в обществе самое низкое, но по природе она была истинной леди, гораздо более благородной, нежели я когда-нибудь смогу стать. — Фланна усмехнулась. — Она постоянно ругала меня за проказы, которые мы вытворяли с братом и кузенами. Она считала, что я вырасту сорванцом.

— Дорогая, — сказал он медовым голосом, — сейчас в вас нет ни крупички сорванца.

— И все благодаря няне. Когда мне исполнилось пятнадцать, она и тетя Марсали взялись за мои манеры, они стали делать мне прически и одели в длинные юбки. Это они учили меня, как быть леди, а к этому времени я уже была готова учиться. — Фланна помолчала, потом продолжила слабым

голосом: — В ту ночь, когда умерла няня, я поклялась, что стану женским врачом, и тогда ни одна женщина, белая или черная, не пострадает оттого, что не смогла обратиться к врачу-мужчине. И я не могу отказаться от этой клятвы.

— В Бостоне женщины тоже умирают, Фланна, — возразил Роджер, многозначительно приподняв брови. — Вы можете исполнить свою клятву здесь, в Вашингтоне, где угодно.

— Но мой отец живет в Чарлстоне. И когда я уезжала в колледж, я обещала ему, что вернусь и буду помогать.

Роджер тяжело вздохнул:

— Я все понимаю, дорогая Фланна. Пусть будет так. Я ничего не скажу брату.

— Благодарю вас.

— Но, — он предупреждающе поднял палец, — при первой же возможности я напишу вашему отцу и попрошу его благословить нашу будущую свадьбу. Вы обещали работать с ним. Но не обещали посвятить ему всю свою жизнь.

Фланна молчала, обдумывая его слова. Возможно, она поступила опрометчиво, отвергнув его предложение. Она пока не решила, как будет жить, когда станет врачом, а красивые холостяки, вроде Роджера, попадаются не каждый день. Он отличная партия; все девушки в пансионе так считали. Ее ум все еще затуманивали воспоминания о няне, она видела ее как наяву: лицо, твердое как скала, она распекает Фланну: *«Ты никогда не думаешь о завтрашнем дне, только о том, чего хочешь сейчас»*.

— Если вы будете писать моему отцу, вам придется сначала представиться, — возразила Фланна. — Не думаю, что он ответит благосклонно, если вы сразу попросите моей руки. Я упоминала о вас в своих письмах, естественно, но он захочет узнать вас ближе.

— Едва ли он попросит, чтобы я приехал в Чарлстон, — ответил Роджер, снова берясь за поводья, — а я бы с радостью поехал, хотя бы потому, что вы для меня единственная женщина в мире. Итак, пока я завоевываю доверие вашего отца и его благословение, вы должны пройти курс и сдать ваш выпускной экзамен. Договорились?

Фланна пристально смотрела на него, мысли бешено крутились в голове. Почему бы не согласиться? Роджер был настойчив, как комар; он не отвяжется, пока она не согласится хоть на что-нибудь в его пользу. Она была уверена, что отец обязательно одобрит Роджера Хейнза, но могут пройти месяцы, пока отец ответит на письмо Роджера и даст согласие на помолвку. К тому времени Фланна уже будет работать в Чарлстоне. Роджер может потерять к ней интерес; он может даже совсем забыть ее. А его мать постарается, чтобы так и было. Но если Роджер будет настаивать, и его чувства выдержат испытание временем и расстоянием, тогда, возможно, он действительно любит ее так, как должно мужу любить жену.

Фланна вздохнула и закрыла глаза. Она будет молиться, чтобы узнать волю Господа, но пока она ничего не может противопоставить неудержимому напору Роджера.

— Так мы договорились? — Роджер застыл на месте, держа поводья на весу, и ждал ответа.

— Думаю, что да, но я буду искать волю Господа.

Роджер пришел в восторг, схватил ее руку и поднес к губам, Фланна улыбнулась его дерзости. Роджер был самым очаровательным товарищем и очень внимательным кавалером. И если каким-то чудом он ее забудет, когда она уедет в Чарлстон, она его не забудет никогда.

Роджер щелкнул поводьями и тронул лошадь с места. Фланна крепко сцепила руки, пока они медленно продвигались по улице. Кто знает? Возможно, планы Роджера действительно благоразумны. Она вполне может отработать год с отцом, а если Роджер на самом деле полон решимости жениться на ней, он может даже переехать в Чарлстон. Они ведь живут в одном Союзе. В одной стране. Он может заниматься политикой и в Чарлстоне, как и в Бостоне; очаровательный общительный мужчина всегда найдет приверженцев, где бы он ни находился.

— Тпру, Герти.

Роджер натянул поводья, экипаж подъезжал к высокому деревянному зданию, где проживали шестнадцать из сорока студенток Женского медицинского колледжа Новой Англии.

Фланна заметила, что в окне гостиной горит свет. Воспитательница, миссис Дэвис, наверное, покачивается сейчас у камина в своем кресле-качалке, отмечая в уме возвращающихся девушек. Уже через час она запрет двери. И любая студентка, которая задержится без уважительной причины, будет немедленно изгнана из пансиона и из колледжа за аморальное поведение.

Фланна повернулась, чтобы видеть Роджера:

— Можете заехать за мной завтра, только ни слова о ваших планах. Помните, прежде чем мы сможем пожениться, вы должны не только завоевать расположение моего отца, но и добиться одобрения своей матери. — А второе препятствие даст Фланне еще один год, поскольку миссис Хейнз совершенно очевидно считала, что все южанки — чудовища, которые держат рабов.

— Не беспокойтесь о моей матери. — Он склонил голову так, что касался лбом поляй ее шляпы. — Просто она читает слишком много газет. Ее очень огорчают все эти разговоры о выходе из Союза. А завтра я не допущу, чтобы слово *рабовладение* прозвучало хоть раз. Никто не должен говорить о политике в день Рождества.

— Договорились, я не стану говорить о рабовладении, о выходе из Союза и о женщинах в медицине. Я буду просто сидеть рядом с вами и пытаться очаровать вашу мать. — И она искренне улыбнулась. — Я даже могу сказать, что стану одной из этих крикливых суфражисток, если потребуется.

— И не забудьте моего брата — его тоже нужно очаровать. Он написал, что не может поверить, что я влюбился в девушку из Южной Каролины. — Он еще больше наклонил голову, и Фланна ощутила тепло его дыхания на щеке. — Могу я позволить себе дерзость и попросить у вас поцелуй, прежде чем провожу вас в дом?

— Мисс Фланна? — С задка коляски донесся звонкий голос Чарити, как раз вовремя: — Мы идем в дом?

Фланна отстранилась от Роджера и повернулась к девушке:

— Да, Чарити. Спрыгивай, мистер Хейнз проводит нас до дверей.

— Нельзя осуждать мужчину за попытку, — Роджер лучезарно улыбался. — Я понял, только после официальной помолвки. — Он протянул руку, чтобы помочь Фланне выйти.

— После свадьбы, вы хотите сказать, — возразила Фланна, опираясь на его руку и грациозно спускаясь на землю. — Леди не целует мужчину, пока у нее на пальце не появится обручальное кольцо.

— В самом деле? — Он насмешливо приподнял одну темную бровь. — Тогда три четверти молодых женщин Бостона вовсе не леди.

— Вполне может статься, — парировала Фланна, нагоняя Чарити, которая решительно шагала к дому. Затем радостно улыбнулась в сторону кавалера: — Но можете не сомневаться, я — леди.

Фланна прижала ладони к замерзшим щекам и потопала ногами на коврик, чтобы стряхнуть с обуви снег. Ритмичный скрип кресла воспитательницы на миг затих, и Фланна крикнула:

— Это всего лишь я, миссис Дэвис. Мы с Чарити благополучно вернулись от Хейнзов.

Чарити помогла Фланне снять теплую накидку и держала ее, пока Фланна расправляла складки на юбке. Миссис Дэвис любила, чтобы девушки всегда выглядели скромно и аккуратно, поскольку должна была поддерживать свою безупречную репутацию. Возможно, в самом начале ей было трудно смириться с идеей медицинского колледжа для девушек, но все двенадцать лет ее воспитанницы жили и учились под ее неусыпным контролем без единого проступка. Практически каждый раз, когда Фланна выходила из пансиона, миссис Дэвис на прощание радостно напоминала ей, что судьба и репутация колледжа лежат на плечах студентов.

Фланна вскинула подбородок и прошла через гостиную, почтительно остановившись перед креслом миссис Дэвис.

— Хорошо провели вечер, дорогая?

— Очень хорошо, миссис Дэвис, спасибо, что интересуетесь. Миссис Хейнз — любезная хозяйка.

Вдова кивнула, ее худое лицо обрамлял белый чепец.

— Вы часто встречаетесь с ее сыном. Как давно вы знакомы?

— Где-то около полутора лет, кажется. — Фланна настороженно улыбнулась. — Вполне достаточно, чтобы убедиться, что он джентльмен. Вам не нужно волноваться, когда я выхожу с ним, мэм.

— Женщина никогда не должна слишком доверять мужчине. — Ее голос дребезжал, как оконные рамы на ветру. — Не пора ли ему написать письмо вашему отцу? — Ну и ну! Уж не подслушивала ли она? Фланне хотелось сбежать от настойчивых расспросов, и она сделала движение в сторону лестницы. Ее юбка колоколом качнулась вперед, выдавая нетерпение девушки.

— Думаю, Роджер сделает все, что должен сделать джентльмен. Но он понимает, что я хочу окончить колледж и уехать в Чарлстон.

Женщина закрыла глаза и покачала головой:

— Уверена, это его мать не позволяет ему сделать предложение. Она не одобряет ваш брак.

Фланна сделала шаг к лестнице, но последнее замечание миссис Дэвис остановило ее, неприкрытая резкость шокировала.

— Почему вдруг она может не одобрять наш брак? — Фланна знала по собственному опыту, что миссис Хейнз не одобряла рабовладение, зато она *одобряла* планы девушки заниматься медициной. И хотя, по мнению самой Фланны, сегодняшний вечер прошел не очень успешно, ей еще не доводилось встречать человека, которого она не могла бы очаровать, если у нее было на то время.

Миссис Дэвис кашлянула, потом ответила:

— Гордый сын Массачусетса женится на девушке из Чарлстона? Этого просто не может быть. Во всяком случае, теперь. Подумайте, Южная Каролина звучит столь же оскорбительно, как имя дьявола. — Ее губы слегка раздвинулись, но это нельзя было назвать улыбкой, скорее просто трещиной с желтыми

зубами посередине. — Через месяц вас вряд ли примут хоть в одной гостиниой Бостона.

Фланна смотрела на воспитательницу, не веря своим ушам:

— Это почему же?

— А вы разве не слышали? — Миссис Дэвис вся затрепетала от предвкушения. — Нет, скорее всего. Южная Каролина вышла из Союза четыре дня тому назад! Об этом написали вечерние газеты. Неужели вам никто не сказал?

По телу прошла волна потрясения, отчего задрожали пальцы. Она не могла говорить, поэтому беспомощно посмотрела на Чарити, потом тряхнула головой, пытаясь остановить хоровод мыслей в голове. Этого просто не может быть! Ну да, Уэсли писал, что группа политиков грозила выходом из Союза, если к власти придет Линкольн, но Фланна никогда не верила, что они смогут осуществить свои угрозы.

Фланна в ужасе огляделась и увидела сложенную газету:

— Можно?

— Конечно, вам обязательно нужно ее прочесть. — Покрытые старческими веснушками руки миссис Дэвис дрожали. — Увидите, что натворили ваши соотечественники. И знайте, если в ваших отношениях с Роджером Хейнзом возникнут осложнения, во всем следует винить этих опрометчивых работников из Южной Каролины.

Тирада пожилой женщины звенела в ушах, пока Фланна брала газету со стола, а потом убегала с ней в свою комнату.

Фланне показалось, что ее сердце остановилось, когда миссис Дэвис сообщила ей о выходе Южной Каролины из Союза, но потом оно забилось еще сильнее, словно наворачивая упущенное. К тому времени как они с Чарити добрались до своей комнаты, в груди Фланны раздавался стук, словно дятел стучал по дереву.

Темные глаза Чарити широко распахнулись, и она, бросив накидку на кровать, пристально посмотрела на хозяйку:

— Мисс Фланна, что случилось с Южной Каролиной?

— Точно не знаю, — шепотом ответила Фланна. Спотыкаясь, она пошла к своей кровати. Затем опустилась на заскрипевший матрас, не обращая внимания на платье и лежащие на одеяле книги. Она раскрыла газету дрожащими пальцами и прочитала сенсационный заголовок: «Южная Каролина отделяется!»

— Этого не может быть.

— Чего не может быть? — Круглое лицо Чарити, всегда радостное и улыбочное, сейчас стало пустым, все чувства стерлись с него.

— Южная Каролина, — пробормотала Фланна, думая об отце, о брате, о тете и кузенах. — Мой штат — наш штат — отделился от Союза.

— Отделился? — Чарити опустилась на колени возле Фланны, чтобы развязать шнурки ее ботинок, но вдруг замерла на месте и подняла голову: — Мисс Фланна, я не понимаю.

— Вышел, покинул Союз, — прошептала Фланна, продолжая читать статью. — Южная Каролина и Чарлстон больше не являются частью Соединенных Штатов.

Чарити издала странный звук, но Фланна даже не заметила, она вчитывалась в строки. Как утверждал автор статьи, призывы к выходу начали раздаваться сразу, как только новость об избрании Линкольна добралась до Чарлстона. Старшина расширенной коллегии присяжных федерального суда, Роберт Гаурдин, отказался от должности, поскольку, как он сказал, «Север отменил всякую надежду на сильное федеральное правительство суверенных Штатов». В течение ближайших дней покинули свои посты другие должностные лица, включая окружного прокурора.

— Святые небеса, — прошептала Фланна, не обращая внимания на Чарити на полу, которая стягивала с нее ботинки, — и они делают это сознательно! Никогда бы не поверила, что до этого дойдет.

Лидеры сепаратистов, читала она дальше, сравнивали себя с революционерами колониальных времен, когда Техас добился независимости. Символы флагов Южной Каролины и Техаса — карликовая (веерная) пальма и одинокая звезда — расцве-

тали по всему штату, как дикие цветы. Многие джентльмены в Чарлстоне украшали лацканы сюртуков золотыми значками с изображением карликовой пальмы и одинокой звезды.

— Что они собираются делать? — услышала Фланна, взглянула на Чарити и увидела, что карие глаза девушки стали огромными и чуть влажными. — Что пишут в газете?

Фланна ничего не ответила, на нее навалились дурные предчувствия. Южная Каролина *не может* быть независимым государством! Вдруг всплыло воспоминание: она снова услышала слова Роджера, обращенные к ней: «*Мы живем в одной стране, Фланна, в одном священном Союзе*».

О чем только думают эти сепаратисты? И почему они совершили это безумие именно сейчас, прямо перед Рождеством, перед самым экзаменом? Вдруг экзаменационная комиссия заглянет в ее личное дело и увидит, что она из Южной Каролины? А если миссис Дэвис восплачет гневом и выгонит студентку-сепаратистку из своего пансиона? Тогда все мечты Фланны превратятся в пыль и исчезнут навсегда.

— В газете ничего не написано про нашу семью? — Чарити никак не могла развязать шнурок на ботинке, и Фланна только сейчас поняла, что девушка беспокоится о своих родителях. Они принадлежали к трем тысячам освободившихся черных рабов в Чарлстоне, многие из них сами имели рабов. Насколько помнила себя Фланна, между белой элитой Чарлстона, свободными темнокожими (так их называли, потому что большинство были мулатами) и белыми работающими горожанами поддерживался очень хрупкий мир. Если в городе начнутся волнения, связанные с рабовладением и сепаратизмом, для черных на Юге, рабов или свободных, наступят тяжелые времена.

— Оставь мой ботинок в покое. Дай мне дочитать. — Фланна снова перечитала статью. — В статье говорится, что город Чарлстон потребовал выхода из Союза... а семнадцатого декабря более 160 делегатов от Южной Каролины собрались в Колумбии, где решалось, станет ли штат выходить из Союза. Чарлстон отправил 23 представителя, но вдруг начавшаяся эпидемия оспы заставила их вернуться назад в город. Однако

дома делегаты единодушно приняли декрет о выходе из Союза. В тот же вечер они подписали его в здании суда.

— А темнокожие... они тоже подписывали это?

— Я не знаю, Чарити. — Фланна читала дальше. — Да, здесь что-то есть. Восемьдесят два смуглокожих аристократа отправили послание мэру Чарлстона, где говорилось: «Мы граждане Южной Каролины по рождению; в наших жилах течет кровь белых людей, у одних наполовину, у других больше; мы сохраняем свою верность вам».

В глазах Чарити было недоверие, а Фланна подумала, что теперь любопытство девушки будет хоть на время удовлетворено.

Она принялась читать дальше: церковные колокола звонили, пока новости распространялись по городу, флаги Союза скидывались, а вечером грохотали артиллерийские салюты. Репортер также упомянул, что должностные лица Чарлстона, опасаясь восстания рабов, установили ночное патрулирование города, чтобы подавлять любые волнения черных.

— Ой, Чарити... — Фланна прижала газету со страшными новостями к груди. — Что же нам делать? Чудовищные новости, просто чудовищные.

— Мы могли бы уехать домой. — Чарити просительно посмотрела на девушку. — Нам здесь не место, мисс Фланна.

Фланна положила газету на колени, в голове пронеслся целый хоровод мыслей. У отца не было времени написать ей о невероятных событиях, но он напишет, она не сомневалась. Станет ли он настаивать, чтобы она немедленно возвращалась? Должна ли она ехать домой? Она уже так близка к окончанию обучения и получению степени, но что подумают об отце его друзья, если он позволит дочери жить среди янки?

Внутри все сжалось от мысли, что теперь она живет в чужой стране, которая никак не связана с ее домом.

Мы живем в одной стране, Фланна, в одном священном Союзе.

Больше нет.

Фланна прижала пальцы к вискам — ее вдруг настигла новая мысль. *Роджер!* Если папу захватит волна истерии, вы-

званная выходом из Союза, он, скорее всего, будет не более склонен переписываться с янки-республиканцем, чем с самим Эйбом Линкольном. Он никогда не согласится на помолвку Фланны. Он даже может ответить на письмо Роджера грубостью, разрушая всякую возможность этого вполне удачного брака.

Кроме того, нет никакой возможности получить степень в другом месте. На Юге была лишь одна медицинская школа для женщин — Медицинский институт имени Графенберга в Девеиле, штат Алабама. Но ее отцу не нравилось это заведение. В Бостоне у Фланны был доступ к настоящим скелетам, лабораторному оборудованию, музею с образцами здоровых и патологических органов в стеклянных сосудах, а в институте Графенберга не было даже приличной библиотеки.

«Господи, что же мне делать?»

Взгляд Фланны упал на учебник анатомии. Она знала его содержание почти наизусть, а через четыре недели ей предстоит экзамен. Экзамен по анатомии станет последним препятствием между ней и честно заслуженным дипломом врача. Если они сейчас же отправятся домой, все ее тяжкие труды пойдут прахом. Господь, конечно, не пожелает, чтобы она отказалась от двух лет дорогого и тяжким трудом заработанного образования.

— Мы можем остаться еще на несколько недель, — прошептала она, проводя рукой по схеме системы кровообращения человека. — Давай подождем, пока стихнет весь этот ажиотаж. Кроме того, отцу не понравится, если мы отправимся в путешествие, когда все... так неопределенно. — Девушка глубоко вдохнула и медленно выдохнула. — Все это обязательно успокоится, Чарити. Должно успокоиться.

Лицо служанки выдавало глубокое разочарование, зато прикосновение к книге успокоило сильно бившееся сердце Фланны. Судя по всему, пока Фланна полностью отдавалась учебе, обстановка в Южной Каролине все больше накалялась. Возможно, если она снова займется учебой, Господь вернет Южной Каролине здравый смысл. Что толку волноваться?

Отец отправил ее в Бостон, чтобы она получила диплом врача, и она не может подвести его. Она нужна отцу дома, но как врач.

Приняв окончательное решение, Фланна переключилась на практические дела. Пока не закончатся волнения, связанные с выходом из Союза, отец не должен ничего знать о Роджере Хейнзе и его намерениях. Эта новость может подождать. И даже если пройдет весь остаток года, пока все успокоится, тем лучше. К тому времени она получит свой диплом и начнет выполнять обещания, данные отцу. А у Роджера сейчас много своих забот, и, если между прочими делами ему встретится хорошая девушка из Массачусетса, которая сможет стать ему лучшей женой, чем Фланна, тоже неплохо. Фланна подумала, что будет скучать по его уму и очарованию, но когда Господь закрывает одну дверь, Он открывает другую.

— Чарити, принеси мне чернила и бумагу, пожалуйста. — Фланна швырнула газету на пол и решительно выкинула Южную Каролину из головы. Нужно написать отцу и заверить его, что все идет хорошо, а завтра она скажет Роджеру, чтобы тот отложил свое письмо на неопределенный срок.

Пока Южная Каролина не придет в чувства, свадебные планы должны подождать.

Глава 2

Миган, служанка-ирландка Хейнзов, сидела за новеньким блестящим пианино и уже в третий раз играла «Я мечтаю о Джинни с русыми волосами». Фланна пила чай и смотрела на Роджера поверх своей чашки. Он сидел на диване рядом с матерью, подперев голову рукой, вид его выражал недовольство.

Роджер плохо принял новость. Когда Фланна сообщила ему, что помолвка невозможна до полного окончания скандала с выходом из Союза, ему хватило благоразумия увидеть мудрость в ее словах, чтобы не оспаривать ее решение. Его сотоварища не умолкали все время, пока экипаж ехал через район Бикон-Хилл, а Фланна закатывала глаза, прекрасно зная, что Чарити, сидевшая позади, хихикает над его забавной манерой выражать недовольство.

Взгляд Роджера скользил над пылающим камином, а нога рассеянно отбивала такт под брэнчание пианино. Фланна догадывалась, что он сейчас взвешивает преимущества отсутствия невесты с Юга против невыгод вовсе не иметь невесты во время избирательной кампании. Благородная женщина добавила бы ему блеска и респектабельности, когда он будет баллотироваться на должность. Его мать была настоящей королевой бостонской элиты, но Роджеру для исполнения своих

притязаний необходимо было расширить влияние далеко за пределы Бикон-Хилла.

— Люди считают, что у политика должна быть семья, — заявил он Фланне однажды, когда они гуляли по площади Луисбург, прилегавшей к дому его матери. — Как я могу отождествлять свои интересы с интересами рабочего человека и его семьи, если собственной семьи у меня нет?

— А как вы сможете обращаться к женщинам, если у вас ни с одной, кроме вашей матери, не будет дружеских отношений? — возразила Фланна, поддразнивая его.

Роджер кивнул, явно не оценив шутку:

— Действительно! Я так рад, что вы понимаете! Видите теперь, Фланна, какая от вас польза для меня! Вы яркая, красивая и добрая. Я не могу желать лучшей хозяйки своего дома и более замечательного друга.

Она поняла его намерения с самого начала, и если он использовал ее как красивую приманку, она продолжала с ним видеться по столь же эгоистичным причинам. Роджера Хейнза уважали, его мать была влиятельной женщиной с безупречными манерами. Их роскошный кирпичный особняк символизировал собой все, что считалось достойным, приемлемым и положительным в бостонском обществе. Будучи новым человеком в городе, Фланна очень нуждалась в связях, в общении с людьми того же уровня, как те, кого она знала дома, именно поэтому она принимала приглашения Роджера.

Из гостиной донеслись последние аккорды «Я мечтаю о Джинни», и из двери показалась Миган, она присела в реверансе перед хозяйкой:

— Не желаете ли послушать еще раз, мэм?

— Нет, я, пожалуй, уже наслушался, — ответил за мать Роджер, выпрямляя спину. Он обнял мать за плечи одной рукой, а второй достал карманные часы: — Уже половина второго. Очевидно, что-то задержало Олдена. Может, сядем за стол без него?

— Нет. — Миссис Хейнз неодобрительно поджала губы. — Вы всегда так спешите, Роджер. Вы же сами знаете, как сложно сейчас рассчитывать на поезда.

— Но мы прождали его уже полчаса.

Мать прищурилась:

— Вежливый человек будет ждать целый день. Проявите терпение и успокойтесь. Я считаю, что должна поднять вопрос, который касается нашей гостии.

Фланна замерла на месте, к щекам прилила кровь.

— Думаю, мисс О'Коннор, — сказала миссис Хейнз, — вы уже слышали новость? Вы читали газеты?

Фланна заставила себя слегка улыбнуться:

— Да, мэм, читала. Как раз вчера.

Миссис Хейнз бросила на нее пронизательный взгляд:

— Что вы скажете по поводу опрометчивого решения ваших земляков? Эти мятежные предатели наплевали на кровь наших предков и отреклись от нашего великого Союза. Ваша семья поддерживает этих отступников?

Фланна вдруг почувствовала усталость, голод и раздражение, она провела рукой по роскошной обшивке кресла и попыталась придумать дипломатичный ответ. Она пролежала без сна большую часть ночи, глядя в темноту, и составляла ответы на возможные комментарии, которые, как она знала, будут озвучены в ближайшие дни. Как печально, что все началось в этом доме в день Рождества.

— Не могу сказать наверняка, — медленно заговорила девушка с легкой иронией в голосе, — но поскольку мой отец и брат по-прежнему живут в Южной Каролине, они поддержат действия Южной Каролины. А те предки, о которых вы говорили, мэм, как раз и виновны в значительной степени в происшедшем. Все началось много лет тому назад и в конечном итоге вышло на поверхность. Видимо, пришло время все разрешить.

— Наши предки? — На лице пожилой леди промелькнуло изумление. — Как вы можете такое говорить?

— Разве рабовладение не дозволялось самой Конституцией? — настаивала Фланна, а в ее душе поднималось беспокойство. — Разве не написано в Конституции, что сбежавший раб должен быть возвращен владельцу?

— Те, кто писал Конституцию, старались устранить вынужденное зло. — Миссис Хейнз попыталась изобразить

улыбку. — В конце они добавили статью о запрете работорговли в 1808 году, разве нет?

— Мама знает историю. — Роджер обреченно улыбнулся. — Думаю, она присутствовала там, когда писали Конституцию.

— Тогда она, возможно, вспомнит, что произошло в Вашингтоне всего три года назад. — Фланна перевела взгляд с Роджера на его мать. — Помните важное решение, принятое Верховным судом по делу Дреда Скотта против Сэндфорда?* Президент Джеймс Бьюкенен тогда заявил, что суд должен решить вопрос о рабовладении раз и навсегда, а суд все-таки постановил, что чернокожий, свободный или раб, не может быть гражданином США, а значит, не имеет прав по этому закону.

Фланна уважительно склонила голову, немного переигрывая:

— Когда дело доходит до фактов, миссис Хейнз, закон оставляет рабовладение нам на выбор. Разве же это не одна из драгоценных американских свобод — свобода выбора? Любой человек сам решает, хочет он иметь рабов или нет. И эта же свобода выбора позволяет моим землякам, как вы их называете, выйти из Союза, который больше не представляет их интересов. В 1776 году тринадцать штатов объединились для защиты своих территорий; теперь Южная Каролина пожелала выйти и защищать себя самостоятельно. Неужели вы откажете моей семье и моим соотечественникам в праве на свободный выбор?

— Моя любезнейшая мисс О'Коннор, — в хрипловатом голосе Роджера присутствовали удивление и мольба, — вы бы не согласились погулять со мной по саду? Смею заметить, это долгое ожидание начинает вас утомлять, а сад моей матери лучший в Бостоне.

Фланна ответила не сразу, но вдруг увидела в глазах Роджера тень отчаяния. Тогда она вспомнила о своих манерах,

* Дред Скотт, чернокожий раб, пытался получить свободу на основании того, что его хозяин Сэндфорд был гражданином штата Нью-Йорк, а рабовладение севернее 36°30' было запрещено. Однако ему было отказано. — *Примеч. пер.*

опустила голову в знак согласия, подобрала юбки и позволила ему помочь ей подняться.

Как только они вышли из гостиной, он наклонился и зашептал ей на ухо:

— Я не виню вас, что, прослушав эту назойливую песню три раза подряд, вы почувствовали раздражение, но затевать спор в Рождество, это, пожалуй, чересчур, как вам кажется? Я думал, мы договорились не обсуждать политику сегодня.

Фланна изобразила вежливую улыбку на лице, когда из коридора появился слуга, и не заговаривала, пока они не оказались в саду. Зимний ветер тотчас обжег щеки, но она почти не замечала его, ее охватило все возрастающее возмущение.

— Роджер! — Она повернулась к нему, настроенная весьма воинственно, она не желала подставлять вторую щеку. — Я не позволю вашей матери так представлять это дело. Я не знаю, что она думает о моих земляках, но мы не варвары! И если говорить честно, политики в Вашингтоне сделали гораздо больше для создания сегодняшней ситуации, чем все рабовладельцы, которых я знаю!

— Но обязательно ли оттачивать свое остроумие на моей матери?

Он протянул к ней руки и приобнял ее. Он так спешил увести девушку из гостиной, что забыл захватить ее накидку. Его глаза потеплели, когда он почувствовал, что она дрожит.

— Какой же я невнимательный, — сказал он, отпуская ее, и начал снимать свой сюртук. — Вы же мерзнете.

— Роджер, не делайте глупости, вы не можете допустить, чтобы слуги увидели вас полураздетым. Не нужно давать им повода для сплетен. — Она растирала свои руки под тонкой шалью и кивнула ему на дверь: — Сходите в дом и принесите мою накидку. Со мной все будет в порядке. Возможно, холодный ветер несколько охладит мой пыл.

Напряженное лицо Роджера расслабилось.

— Совершенно верно. Я сейчас вернусь.

Он направился к дому широкими шагами. Фланна продолжила растирать свои замерзшие руки, потом прошла

на освещенный солнцем участок между домом и стеной сада. Похвалы Роджера саду явно прозвучали исключительно с целью увести ее подальше от матери, потому что длинные стебли роз и аккуратные клумбы имели жалкий вид. Прямо под окном гостиной стояла выдавшая виды деревянная скамейка, но у Фланны не было желания сидеть в тени. Она поспешила выйти на солнце, обхватив себя руками, и старалась согреться негодованием, пылавшим в сердце.

В северной части сада располагались кованые ворота, а за ними — подъездная дорожка к дому. Стук копыт от проезжающих экипажей привлек Фланну, она направилась в ту сторону, жалея, что не может взять кэб и вернуться в пансион. Но леди не должна бежать от трудностей, она не допустит, чтобы эта янки критиковала ее манеры!

Вся дрожа, девушка стиснула руки и вдруг замерла на месте — тишину сада нарушил звук голосов. Даже через закрытые окна и тяжелые занавеси гостиной она слышала резкий голос миссис Хейнз:

— Вы не имеете права, Роджер, приводить в наш дом эту сепаратистку! Ваш отец перевернулся бы в гробу, если бы знал, что мятежница, одна из тех, кто с радостью плюнет на флаг Союза, будет сидеть у нас за рождественским столом!

— Фланна не мятежница, и она не плюется. А теперь, пожалуйста, успокойтесь; давайте все обсудим. Где ваши нюхательные соли?

— Она рабовладелица, пусть не на деле, но в душе. Вы же слышали, как она защищает рабовладение! Откуда вам знать, не бьют ли своих рабов ее родные? Вам придется отвечать за это перед всемогущим Господом, и Господь будет знать, что я пыталась увести вас с этой дорожки.

— Она не рабовладелица; она моя гостья. Не хотите, чтобы Миган еще поиграла? Она не знает других песен?

Миссис Хейнз снова заговорила, но слишком тихо, Фланна больше не слышала слов. Девушка внутренне вздрогнула. Как унижительно понимать, что она принесла разлад в этот дом на Рождество. Ее охватил стыд, и она повернулась к воротам, решив заплатить своей репутацией и уйти домой, но вдруг

замерла на месте, увидев на подъездной дорожке мужчину в форме офицера.

Он стоял у самых ворот, его светлые волосы поблескивали на зимнем солнце, рука в перчатке лежала на эфесе сабли. На нем была синяя форма из отличной шерсти, сапоги до колен и кожаный ремень на талии. Его плечи украшали золотые галуны, а воротник — золотая тесьма. Офицер полиции?

Фланна сразу охватила взглядом все: уверенный разворот плеч, твердые черты лица, аккуратно подстриженные усы и неотразимые голубые глаза. Она удивилась, когда он ей улыбнулся.

— В доме что-то произошло? — спросил он.

Девушка растерялась от неожиданного вопроса:

— Простите, сэр?

Он оглядел ее, а Фланна плотнее закуталась в свою легкую шаль в ответ на его взгляд.

— Я не привык видеть элегантную молодую леди, расхаживающую возле дома без какой-то серьезной причины, — пожар, например, или разбушевавшийся сумасшедший.

При последних словах он приподнял брови, тогда Фланна поняла, что он ее поддразнивает. Она улыбнулась:

— Возможно, миссис Хейнз сейчас бушует, но я бы не сказала, что она сумасшедшая. Стало очевидно, что мое присутствие на рождественском обеде ей не угодно, поэтому ее сын решил, что мне лучше выйти на улицу.

Красавцу офицеру ее ответ пришелся по нраву, он сцепил руки за спиной и улыбнулся:

— Я знаю миссис Хейнз. И вы абсолютно правы, она весьма предвзята во мнениях, особенно когда дело касается молодых леди, которых ее сын приводит в дом. Но она вполне здравомыслящая женщина, более чем вменяемая.

— Да? — Хотя солнце пригревало, Фланна задрожала от порыва ветра, коснувшегося холодом ее груди и плеч. — Вам доводилось встречаться с ней при патрулировании?

— Не совсем. — В его голубых глазах заплясали искорки, когда они встретились взглядами. — Миссис Хейнз — моя мать.

Фланна вдруг почувствовала, что краснеет, словно ее щеки опалило огнем, но тут дверь позади нее распахнулась.

— Фланна! Силы небесные, вы, наверное, замерзли!

Девушка пришла в ужас и низко склонила голову от смущения, а Роджер подошел к ним и посмотрел на мужчину за воротами.

— Олден! — воскликнул Роджер, и его радость оказалась заразительной. — Брат, я так рад тебя видеть! Ты уже познакомился с Фланной?

Фланна кивнула в знак приветствия, Роджер надел ей на плечи накидку, и она отступила, чтобы открыли ворота.

— Фланна, позвольте представить вам моего брата, майора Олдена Хейнза, инструктора из Вест-Пойнта. — Роджер лучезарно улыбнулся: — Олден, позволь представить тебе мисс Фланну О'Коннор из Чарлстона.

— Мы знакомы, хоть и не официально, — ответил Олден. Он снова улыбнулся Фланне, глаза его озорно сверкнули. — А поскольку ты позволил себе назвать ее имя, я полагаю, что ты упоминал в своих письмах именно эту молодую леди?

— Да, ее.

— Тогда, похоже, тебе следует снова пойти в школу. — От решительного взгляда Олдена у девушки тревожно застучало сердце. — Ты не сумел даже близко описать, насколько она очаровательна.

Он поклонился и поднес замерзшую руку Фланны к губам, и, когда его теплые губы чуть коснулись кожи, у нее по спине пробежал холодок. Она понимала, что обязана сказать что-нибудь остроумное и изящное, но все мысли разбежались, и она сказала первое, что пришло в голову:

— Рада с вами познакомиться, майор Хейнз.

Роджер по-хозяйски забрал ее руку у Олдена и взял девушку под локоть.

— Пошли, Олден, мать давно хочет тебя обнять. Она сильно переживала, полагая, что ты задержался в Нью-Йорке.

— Тогда позвольте мне ее успокоить, — ответил Олден, вежливо пропуская Роджера и Фланну вперед. — Я очень торопился. Даже оставил чемодан на станции. Нужно будет по-

слать слугу за ним, но сначала я должен заверить мать, что жив и здоров.

Пока они шли к дому, Фланна не поднимала глаз, слыша шаги Олдена по мерзлой земле у них за спиной. Она не смела оглянуться. Несомненно, ее сердце трепещет, а ладони потеют от смущения и унижения. Как только подвернется случай извиниться перед ним, она, *может быть*, попробует снова взглянуть ему в глаза.

